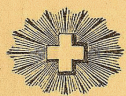

Документы

17.

31
[Signature]

BUREAU
Ragaz.

Original-Depesche.

Die Telegraphen-Verwaltung
erklämt keinerlei Verantwort-
lichkeit in Betreff der telegraphi-
schen Correspondenzen.
Dagegen wird sie alle zur Sicher-
ung des Dienstes und zur Wahrung
des Verschiedenheitmässigen
nötigen Massregeln ergreifen.

L'Administration des télégra-
phes n'accepte aucune responsa-
bilité à raison du service de la
correspondance par la voie télégr.
Elle prendra toutes les mesures
nécessaires pour assurer l'exac-
titude de ce service ainsi que le
secret des correspondances télégr.

Adresse: *Zarembo, Petersbourg, Comptoir
Palais Michel.*

Zeit: *Dreischock vorzuschlagen (800 Rubel
von Grossfürstin, zwei mal monatlich
spielen. Wenn öfter spielen, Wohnung
im Palais geben. Sectionen im Conserva-
torium beginnen. Hilber*

Hinterchrift:

	Fr.	Ct.	
Worte . . .			Aufgegeben den . . . 186 . . . um . . . U. . . M.
inkatur . . .			Expedit den . . . 186 . . . um . . . U. . . M.
presse . . .			
Summe . . .			Der Telegraphist:

Ил. 1. Телеграмма великой княгини Елены Павловны Н. И. Зарембе из Рагаца. ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Ед. хр. 4

К истории директорства Н. И. Зарембы (по письмам к великой княгине Елене Павловне)

Статья рассказывает о частных аспектах формирования профессорско-преподавательского состава консерватории в период директорства Николая Ивановича Зарембы. Статья основана на ранее не публиковавшихся письмах Зарембы к великой княгине Елене Павловне.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская консерватория, Н. Заремба, великая княгиня Елена Павловна, Ю. Штокхаузен, Л. Ауэр, Г. Ниссен-Саломан, К. Эверарди, Л. Эрит-Виардо, А. Винтербергер, А. Дрейшок.

Среди многочисленных трудов, коими занимался ректор Санкт-Петербургской консерватории, были реформы учебного процесса (открытие новых классов, утверждение новых учебных планов), забота об учащейся молодежи, а также приглашение новых профессоров и преподавателей.

В 1867 году Антон Григорьевич Рубинштейн, основатель Петербургской консерватории, ушел с поста директора. Двадцать девятого августа исполняющим должность директора был назначен профессор теории музыки Николай Иванович Заремба¹.

Сразу же после вступления в должность Н. И. Заремба «обратил внимание дирекции (Санкт-Петербургского отделения Русского музыкального общества. — А. А.-Б.) на необходимость пригласить в консерваторию профессоров»: скрипки (г. Кёмпель), *musique d'ensemble*² (предложить «кому-нибудь из наших») и хорового пения (г. Балакирев)³.

¹ Подробнее о назначении Н. И. Зарембы на пост директора консерватории см.: Алексеев-Борецкий А. А. Николай Иванович Заремба. СПб., 2011. С. 131–140.

² Ансамблевая музыка (фр.). Далее: «особый класс камерной музыки».

³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 54–56.

По рескрипту августейшей покровительницы РМО великой княгини Елены Павловны⁴ спевки хора РМО поручили М. А. Балакиреву. Занятия в особом классе камерной музыки дирекция признала полезными и нужными и по ходатайству Н. И. Зарембы выделила на вознаграждение некоторых профессоров консерватории по классам специальной игры на фортепиано до 300 рублей серебром, «если последние согласятся взять класс под свое руководство»⁵.

Несколько по-другому сложилось ситуация с классом скрипки.

После ухода Генриха Венявского из консерватории в декабре 1866 года до сентября 1868 года место профессора специального класса скрипки было вакантным. Этот класс вели адъюнкты Венявского: Тераевич и Рааб. Венявский обладал бурным темпераментом. Из-за конфликта⁶ между инспектором консерватории В. А. Кологривовым и воспитанником Венявского (виновником конфликта) профессор, не разобравшись в ситуации, решил покинуть консерваторию, вследствие чего Кологривов сложил с себя полномочия инспектора⁷.

В день назначения нового директора консерватории на заседании дирекции петербургского РМО обсуждался вопрос о предложении Н. И. Зарембы пригласить на пост профессора класса специальной скрипки господина Кёмпеля.

Через несколько дней директор консерватории писал августейшей покровительнице следующее:

Ваше императорское высочество,

Честь имею покорнейше доложить в[ашему] императорскому высочеству, что 31 августа я приступил к исполнению доверенных мне обязанностей директора здешней консерватории, после того как 29-го я был назначен комитетом общества и 30-го был

⁴ О деятельности великой княгини Елены Павловны в РМО см.: *Финдейзен Н. Ф.* Очерк деятельности Санкт-Петербургского отделения императорского русского музыкального общества (1859–1909). СПб., 1909; Очерк пятидесятилетней деятельности С.-Петербургской консерватории / сост. А. И. Пузыревский, Л. А. Саккетти. Пг., 1914; *Конихова Е. В.* «Жизнь, полвека посвященная добру...» (приношение великой княгине Елене Павловне) // *Musicus*, 2009. № 5 (18); *Алексеев-Борецкий А. А.* Идеальная покровительница музыкального искусства // Под высочайшим покровительством: материалы научной конференции 11–12 ноября 2010, ГМЗ Гатчина. СПб., 2010.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 74 об.

⁶ На одном из концертов РМО студент Венявского вел себя неподобающе, за что получил публичный строгий выговор от инспектора. Воспитанник, недолго думая, стал просить покровительства у своего профессора. Венявский, придя к директору консерватории А. Г. Рубинштейну, поставил условие, что он уволится из рядов консерваторцев, если инспектор не извинится публично перед учеником.

⁷ На место В. А. Кологривова был приглашен Г. А. Демидов ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 8.

введен кн. Оболенским в круг профессоров и преподавателей учреждения от имени в[ашего] императорского высочества. <...>

Лекции в консерватории начались 1-го числа этого месяца и притом точно по тому же расписанию, что и до вакаций... новый семестр должен быть не началом учебного курса, но только частью начавшегося 1 января и прерванного вакациями учебного года⁸. <...>

Мы не сформировали новых классов и не пригласили новых педагогов. Только один класс, класс скрипки, немедленно нуждается в новых силах, т. к. есть только учителя, но с момента ухода Венявского нет профессора. По поручению вашего императорского высочества я говорил в Лейпциге с гг. Рейнеке и Давидом, и последний порекомендовал мне человека, который представляется именно тем, что нам нужно в данный момент для класса скрипки. Это веймарский концертмейстер Август Кёмпель, преемник на этой должности Иоахима и Лауба, ученик Шпора, человек громадного мастерства и особенных качеств для оркестра, художник, о котором Давид многое сумел рассказать и которого настоятельно рекомендовал.

Наше положение относительно класса скрипки таково, что мы не можем долго выбирать и колебаться, и поэтому, как мне кажется, хорошо сделаем, если без церемоний, доверившись рекомендации Давида (а также Рейнеке), пригласим к нам г. Кёмпеля.

В Кёмпеле мы, пожалуй, не найдем виртуоза в духе Венявского, но нам-то прежде всего нужно нечто иное, основательная школа оркестровой и квартетной игры, разумеется, со всем возможным вниманием к виртуозной игре на скрипке вообще.

После того как комитет директоров, по моему ходатайству, согласится на приглашение г. Кёмпеля, я буду иметь высокую честь просить ваше императорское высочество всемилостивейше соизволить уведомить меня о вашем желании и воле в отношении этого дела, и таким образом, когда ваше императорское высочество утвердит приглашение Кёмпеля, мы сможем, не теряя времени, если он примет предложение, немедленно сформировать его класс⁹.

Начали готовить корреспонденцию, составлять договор, но Кёмпель по неизвестным причинам отказался от должности профессора. Можно

⁸ В 1864 г. дирекция РМО утвердила новый порядок начала учебного года — не с 1 сентября, а с 1 января. Поэтому учебный год 1864/1865 длился полтора астрономических года, т. е. с 1 сентября 1864 г. по 31 декабря 1865 г. (Отчет РМО за 1863/1864 г. СПб., 1865). Только в 1868 г. было принято решение о возвращении к прежнему календарю..

⁹ Письмо Н. И. Зарембы к великой княгине Елене Павловне 4 сентября 1867 г. ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 4. Лл. 20-21 об.

предположить, что скрипач не захотел расстаться с престижным местом концертмейстера Веймарского театра. Дело об ангажементе на вакантное место профессора было завершено только летом 1868 года.

Интересны в этой связи «Воспоминания» А. И. Рубца, в которых автор немного преувеличил свою роль в решении этого вопроса:

По предложению Н. И. Зарембы, он и дирекция РМО положили, чтобы Н. И. Заремба потрудился поехать в Германию и Францию подыскать опытного, хорошего, видного преподавателя и руководителя скрипичной игры. И случилось так, что его выезд из Петербурга за границу совпал с моей поездкой в Малороссию, и я в продолжение 10 часов ехал с Н. И. Зарембой и видел, как он очень беспокоился и постоянно говорил, что это одно из самых трудных для него поручений — выбрать хорошего скрипача, и он поделился со мною, что после того, как покинул Венявский консерваторию, он не знает никого в Германии, кто бы смог заменить Венявского. На это я ему возразил, чтобы он перестал беспокоиться, а когда он приедет в Германию и прослушает скрипачей с прекрасной техникой и непременно молодых, то он тогда может смело приглашать того, кого найдет более талантливым и полезным в его деле¹⁰.

Но, конечно, Заремба не мог полагаться только на свой вкус. Он получил рекомендательный отзыв Рубинштейна о молодом и талантливом скрипаче Леопольде Ауэре и поместил в «Кёльнише цайтунг», одной из самых популярных газет в германских землях, объявление: «Скрипач Леопольд Ауэр приглашается прислать свой настоящий адрес в музыкальный магазин в Крёйцнахе ввиду важного сообщения, которое имеет быть ему сделано»¹¹. Артист сразу дал о себе знать, и вскоре произошла историческая встреча.

Вот как об этом пишет сам Леопольд Ауэр:

Сообщив телеграфно свой адрес в Крёйцнахе, я получил от Николая Зарембы, только что назначенного директором Петербургской консерватории, предложение назначить ему место встречи. Мы условились встретиться в Петерстале, и, через несколько дней, Заремба приехал ко мне. Он оказался очень любезным господином, занимавшим пост профессора гармонии в бытность

---

¹⁰ Всероссийское музейное объединение музыкальных коллекций им. М. И. Глинки (ВМОМК). Ф. 143. Ед. хр. 14. Л. 25–25об.

¹¹ Ауэр Л. С. Моя долгая музыкальная жизнь. СПб., 2006. С. 64.

Антон Рубинштейн директором. Отставка последнего явилась результатом трений с правлением РМО, президентом которого состояла великая княгиня Елена Павловна. Постоянная и горячая поклонница Рубинштейна, она употребила все свое влияние при дворе, чтобы помочь ему осуществить свою мечту и создать в Петербурге такое музыкальное учреждение, которое в отношении художественности не уступает консерваториям Парижа, Берлина и Вены. Заремба предложил мне трехлетний контракт на должность профессора консерватории и солиста при дворе Елены Павловны, при котором устраивались каждые две недели концерты с программами сольной и камерной музыки. Антон Рубинштейн начал свою карьеру при этом же дворе в качестве солиста; должен ли я после этого прибавить, что мои размышления были непродолжительны¹².

Заремба ликовал. В письме к секретарю совета профессоров А. С. Фаминцыну он сообщал:

Многоуважаемый Александр Сергеевич!

Спешу уведомить Вас, что мне удалось найти Ауэра и в нем отличного скрипача, именно такого, как нам нужно для консерватории: смычок, тон, техника, выражение... все (если позволите так выразиться) стоит на прочных ногах, то есть все нормально, правильно, изящно. Игра Ауэра — музыка, и полагаю, что он понравится петербургской публике, которая, впрочем, немного испорчена кривлянием Венявского. Здесь совершенно другое; для школы приобретение важное. Вчера я с Ауэром заключил контракт на 3 года¹³; дело поэтому кончено и о Леонаре (и других) хлопотать нечего¹⁴.

В этом же письме Заремба интересовался, как шли поиски профессоров на вокальное отделение: «Желательно было бы знать, что Вы говорили

¹² Там же. С. 65.

¹³ По договору Л. Ауэр был обязан заниматься со студентами по 12 часов в неделю с оплатой 1 200 рублей серебром в год и с прибавкой по 100 рублей серебром за каждый дополнительный час. Помимо преподавания Ауэр должен был принять участие в двенадцати концертах, при этом исполнить два соло, и четыре раза выступить в квартете; за это полагалось еще 800 рублей серебром. Обязательным было и участие в музыкальных вечерах великой княгини, за оплату в 800 рублей серебром из сумм ее высочества. На заседании от 28 августа 1868 г. Дирекция СПбО РМО подтвердила трехлетний контракт с Ауэром ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Д. 65. Л. 96 об.

¹⁴ Письмо написано в Петерстале (Великое герцогство Баден) 1/13 августа 1868 г. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 805. Оп. 1. Ед. хр. 489. Л. 1.

со Штокхаузеном, и что слышали в Кёльне о Маркези?»¹⁵. Следует иметь в виду, что в то время профессорами вокального класса состояли только Генриетта Ниссен-Саломан и Пьетро Репетто.

В 1867 году Антон Рубинштейн был в Бадене, где познакомился с дочерью Полины Виардо Луизой, которая так же, как и мать, была певицей. Как вспоминала Луиза Эрит-Виардо: «Он (А.Г. Рубинштейн. — А.А.-Б.) сердечно порекомендовал меня великой княгине Елене, которая предложила мне должность профессора в Санкт-Петербургской консерватории, которую она создала и в которой Рубинштейн был в течение многих лет директором».¹⁶

Вскоре после этого была получена от Полины Виардо телеграмма, в которой она рекомендовала свою дочь, и дирекция СПбО РМО заключила с Эрит контракт¹⁷.

Директор консерватории в письме-отчете к великой княгине писал:

Госпожа Эрит-Виардо приступила к своим обязанностям преподавателя пения с 21-го [сентября]. Она приглашена на 3 года с гарантированным годовым жалованьем в 1 000 руб., с тем, чтобы она давала 10 уроков в неделю. На сегодня у неё только 6 учениц, среди которых г-жа Красовская, так же [Эрит-Виардо] должна была принять г-жу Реган¹⁸.

Далее в письме Заремба буквально уговаривает великую княгиню пригласить на должность профессора сольного пения Юлиуса Штокхаузена.

Наш комитет директоров ничего не желает более страстно, чем заполучить для консерватории Штокхаузена. Если бы здесь не был Репетто, они могли бы предложить Штокхаузену гарантированно 2 000 руб. как преподавателю вокала и 1 000 — как руководителю класса сольфеджио. Так как никого другого здесь не было, Репетто снова приглашен на этот год; его класс велик и проедает много денег, и комитет мог бы в данный момент претендовать на Штокхаузена лишь в том случае, если бы им было позволено

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Heritte-Viardot L. Une Famille de Grands musiciens*. Paris, 1923. P. 179–180. Пер. с франц. К. Ю. Шорохова

¹⁷ Контракт был заключен на три года. Эрит-Виардо должна была заниматься по 10 часов в неделю и обучать 12 учеников, с оплатой в 1000 рублей серебром в год ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 97 об.

¹⁸ Письмо Н.И. Зарембы к е.и.в. великой княгине Елене Павловне от 25 сентября 1868 г. ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Ед. хр. 4. Л. 29–30 об. Пер. с нем. А. А. Алексеева-Борецкого.

под высоким покровительством вашего императорского высочества устроить лотерею¹⁹.

Сведения о Валленрайтере как певце, главным образом исполнителе песен, благоприятны; как педагога его здесь никто не знает. Мне кажется разумным, прежде всего, не ослаблять внимания к Штокхаузену, пока наконец не выяснится, что его не заполучить, потому что нам не хватает средств или он не хочет ехать. Оба письма Валленрайтера я получил благодаря доброте барона Иксюля.

Юлиус Штокхаузен на то время был уже известен петербургской публике. В феврале 1866 года он дважды принимал участие в концертах Филармонического общества²⁰. Семнадцатого февраля он вместе с Ниссен-Саломан, Лешетицкой и Крумбгольцем солировал в оратории Мендельсона «Илия» под руководством Штиля; 24 февраля выступил с песнями Шуберта, Мендельсона и Шумана, партию фортепиано исполнял Антон Рубинштейн. Возможно, после этих концертов у дирекции РМО и зародилась мысль пригласить в консерваторию именно этого артиста в качестве профессора сольного пения. Однако ничего не вышло, и в консерватории остались профессорствовать Ниссен-Саломан, Репетто и Эрит-Виардо.

О результатах преподавательской деятельности Луизы Эрит-Виардо в консерватории Заремба докладывал:

Ваше императорское высочество!

По повелению в. и. в. покорнейше докладываю, что экзамен г-жи Эрит-Виардо, по-моему, в целом прошел очень хорошо. Я ни в коем случае не имею в виду исполнение, которое у таких начинающих не может быть удовлетворительным, но интонацию (*émission de voix*), безусловную необходимость (но и редкость) на первом году обучения. Хотя я многое обсуждал с г-жой Эрит относительно выбора упражнений, — я нахожу их слишком тяжелыми и сложными для восприятия в первый год обучения, так что они часто звучат фальшиво, — но я должен это делать с большой осторожностью, чтобы не обидеть ее, т. к. преподавательница могла иметь определенные методические основания, чтобы так поступить.

Члены депутации не были приглашены на экзамены вокального класса, т. к. не были налицо выпускники; однако само со-

¹⁹ Т. е. конкурс между Репетто и Штокхаузеном на место профессора сольного пения.

²⁰ Общий обзор деятельности высочайше утвержденного С.-Петербургского филармонического общества / Сост. Е. К. Альбрехт. СПб., 1884. С. 22–23.

бой это гг. Суворов, Бахметьев и Кавалли; последний, если я не ошибаюсь, все время оставался у г-жи Ниссен, другие пришли и ушли; но нельзя с уверенностью назвать класс и время их пребывания: я был слишком занят и не следил за ними.

С глубоким уважением,

Н. Заремба²¹

В марте 1870 года, «ввиду безнадёжного состояния здоровья профессора по вокалу Репетто»²², Заремба отправил два приглашения на вакантное место преподавателя пения в Милан и Вену. Двадцать седьмого мая пришел ответ «о готовности г. Эверарди занять место профессора», после чего Заремба выслал ему на подпись контракт²³. Ученики Эверарди широко известны: это М. Славина, В. Зарудная, Ф. Стравинский.

Пятого января 1871 года Заремба представил в дирекцию РМО письмо от Луизы Эрит-Виардо, которая просила «уничтожить заключенный с нею контракт, за невозможностью продолжать свои занятия по болезни»²⁴. Здесь же рассматривалось письмо от управляющего конторой великой княгини Елены Павловны статского советника Фреймана о пожелании августейшей покровительницы распределить учеников Эрит-Виардо между Г. Ниссен-Саломан и К. Эверарди.

Настоящую причину своего ухода Эрит-Виардо объяснила спустя много лет в воспоминаниях:

Мой класс был полностью укомплектован, но мой энтузиазм постоянно снижался. Светская жизнь в Санкт-Петербурге на самом деле очень утомительна для тех, кто работает. Так как приходится ложиться в три или четыре часа утра, а в девять часов вновь приниматься за выполнение профессиональных обязанностей, постоянно держа себя в тонусе. Рано или поздно всему приходит конец, жизненная энергия испаряется — это то, что я

²¹ Письмо Н.И. Зарембы к е.и.в. великой княгине Елене Павловне от 6 мая 1869 г. ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Ед. хр. 4. Л. 28–28 об.

²² ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 60.

²³ Контракт с Эверарди был заключен на три года, с 1 сентября 1870 г. по 3 мая 1873 г., с обязательством преподавать пение ученикам консерватории за ежегодную плату в 4000 рублей серебром, причем Эверарди должен был давать 32 урока в неделю, каждый урок по часу, и имел право передать часть уроков адъюнкту, которого которого он мог выбрать сам и которому платил бы из собственных денег (см.: ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 151). Естественно, на место адъюнкта Эверарди пригласил свою супругу.

²⁴ Там же. Л. 164 об.–165

испытывала. Через несколько лет я нашла свое официальное положение в консерватории слишком тяжелым и неблагоприятным²⁵.

Помимо приглашения новых знаменитостей на места профессоров, Зарембе приходилось заботиться о стабильности профессорско-преподавательского состава. Весьма интересным документом представляется письмо директора консерватории к августейшей покровительнице с рассказом о положении профессора Дрейшока:

Ваше императорское высочество!

Обстоятельство особой важности и значения для консерватории побуждает меня обратиться к в. и. в., причем я осмеливаюсь высказать покорнейшую просьбу всемилостивейше простить, если я буду слишком многословен, чтобы более ясно представить суть дела.

Уже весной узнал я, что г. Дрейшок находится в денежном затруднении. Причиной этому было то, что его доход, в связи с ликвидацией музыкальных классов в театральной школе, где он служил за 1 100 руб., значительно сократился. Но ведь Дрейшок, получив в 1862 г. приглашение от Рубинштейна стать профессором нашей консерватории, поставил особые условия ангажемента, чтобы ему, кроме гарантированного жалованья в 1 200 руб. в консерватории, было предоставлено место в театральной школе. Так и свершилось, после этого Дрейшок обрел уверенность и принял класс в консерватории. Но скоро музыкальные классы в театральной школе были упразднены, что обратилось в известном смысле на пользу консерватории, т. к. императорский театр теперь зависит от консерватории в части получения персонала для оркестра и хора, — но Дрейшок лишился почти половины назначенного содержания и очутился в нужде; он жаловался на это Рубинштейну и мне.

Вчера, вернувшись из-за границы, Дрейшок явился в консерваторию и объявил, что, вопреки истинному желанию, ему невозможно долее пребывать в консерватории, если ему не будет гарантировано постоянное содержание в 2 000 руб. Он использует эти деньги на личные нужды, все остальное — за частные уроки и концерты — он должен посылать семье в Прагу. Он просит общество как можно скорее уведомить его, смогут ли они дать ему такое содержание; ему было сделано предложение на очень выгодных условиях стать профессором консерватории в Нью-Йорке, и он должен немедленно принять решение относительно

---

²⁵ *Heritte-Viardot L. Une Famille de Grands musiciens.* Пер. с франц. К. Шорохова.

нового приглашения. До принятия решения он не может начать лекции в нашей консерватории. Письмо из Нью-Йорка я сам читал и нашел все точно так, как говорил Дрейшок. Несомненно, что только нужда могла бы погнать Дрейшока из Европы, от семьи, через мировой океан, и что он охотнее остался бы у нас, иначе не был бы уверен, и дела с нами легко были бы улажены в письменной форме.

По многим причинам я бы счел потерю Дрейшока чрезвычайно большой: во-первых, он, несмотря на его холодную манеру игры, превосходный преподаватель — организованный, систематичный, точно знающий, что он должен и что он хочет; прилежный и добросовестный, надежный и энергичный; во-вторых, он известен, и его имя создает точку притяжения для нашего молодого учреждения; кроме того, как мне кажется, уход такого человека, после случая с Венявским и Рубинштейном, может представить в неблагоприятном свете дирекцию или правление общества, которое не в состоянии удержать одного из таких людей (истинные причины их ухода могут быть скрыты). Помимо того, должен быть упразднен целый класс, в котором 11 учеников у профессора и 29 у двоих помощников. Где останутся все эти воспитанники, если они должны быть переданы? Лешетицкий не возьмет учеников больше, чем у него уже есть, числом 7; Герке, как представляется, утомлен и выработан, четвертого педагога у нас нет, и мы должны приглашать нового человека, если такой найдется, в момент, когда работа в консерватории идет полным ходом и мы, ввиду экзаменов, не можем терять времени. — И если такой найдется, еще вопрос, не будет ли жертва больше, чем та, которой требует Дрейшок. Гензельт был бы, возможно, единственным; но если он не может главенствовать, то он отстранится и заставит нас бесполезно себя упрашивать.

Ваше императорское высочество знает принцип нашего общества: не назначать профессорам твердого жалованья; для г. Дрейшока хотелось бы сделать исключение, тогда либо будет отменен принцип, либо, так сказать, будут открыты все двери для бесчисленных претензий и вследствие этого — принципиального беспорядка. Единственное, что можно и должно сделать для г. Дрейшока со стороны общества, — это назначить гарантированное жалованье в 1200 руб., что и хотят сделать, остальное общество может просить только у господ бога, и от него ожидать помощи, если она должна последовать.

Между тем как я смиренно изложил вашему императорскому высочеству суть вопроса, испрашиваю вашего высочайшего указания, делать мне что-либо или ожидать; притом я почел бы за высокую милость, если ваше императорское высочество из-

волит уведомить телеграфическим путем прежде всего о своем мнении и желании, этим я был бы освобожден от необходимости далее задерживать занятия в консерватории.

Осмелюсь заметить, что этому делу, быть может, можно помочь тем, что, по представительству вашего императорского высочества, присвоить г. Дрейшоку звание «пианиста его императорского величества», что привело бы к увеличению его гонорара, как это было в случае с Венявским.

С почтительнейшей верностью и преданностью подписываюсь как вашего императорского высочества покорнейший слуга

Санкт-Петербург 20 сентября / 2 октября 1867 Н. И. Заремба²⁶

В это время великая княгиня отдыхала в Рагаце, отсюда телеграфировала (ил. 1):

Офис Оригинальная депеша
Рагац

Адрес: Зарембе, Петербург, флигель Михайловского дворца

Текст: Дрейшоку предложить пока что 800 руб. от великой княгини, с тем, чтобы играть 2 раза в месяц. Если будет играть чаще, то дать квартиру во дворце. Лекции в консерватории начать.

Елена.

Следует обратить внимание, что в письме от 20 сентября / 2 октября 1867 года помимо рассказа о стесненном финансовом состоянии профессора Дрейшока упоминается, казалось бы, незначительное событие в музыкальном мире — закрытие музыкальных классов театрального училища. Это обстоятельство сыграло впоследствии немаловажную роль в жизни консерватории: началась реорганизация первого в России высшего музыкального учебного заведения в оркестровую школу²⁷.

В 1869 году скончался Дрейшок. Великая княгиня пожелала поставить на это место ангажированного ею Фердинанда Гиллера и просила Зарембу заняться делами по заключению контракта на выгодных для артиста

---

²⁶ Письмо Н. И. Зарембы к е. и. в. великой княгине Елене Павловне от 20 сентября 1867 г. ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Ед. хр. 4. Л. 22–23 об.

²⁷ Подробнее об этом см.: Алексеев-Борецкий А. А. Николай Иванович Заремба. СПб., 2011. С. 159–168; Алексеев-Борецкий А. А. Письма Н. И. Зарембы к А. М. Климченко // Наследие. Вып. II. Сб. науч. ст. М., 2013. (в печати).

условиях²⁸. Договор был составлен, но не был подписан, и Гиллер выступил в Петербурге только в качестве дирижера.

К концу лета 1869 года на вакантную должность профессора нашлась подходящая кандидатура, и 28 августа Елена Павловна, по рекомендации Лешетицкого, «изволила разрешить ангажемент г. Винтербергера с вознаграждением из сумм консерватории — 1 200 руб. сер., от е. в. сумм — 800 руб. сер.»²⁹ Александр Винтерберг был уже известен петербургской публике — и по камерным фортепианным концертам, и по органным. К тому же Н. И. Зарембе было приятно видеть среди профессоров своего старого друга (в 1853 году, в Берлине, Заремба и Винтербергер вместе обучались у Маркса, с которым в мае того же года посетили Ференца Листа в Веймаре).

На 1870 год пришелся расцвет профессуры духовых инструментов. Благодаря желанию великой княгини реорганизовать оркестровый отдел Петербургской консерватории были приглашены выдающиеся духовики Петербурга: Вильгельм Вурм (труба), Фридрих Хомилиус (валторна), Карл Кутшбах (фагот), Карл Нидман (кларнет), Вильгельм Шуберт (гобой). По сути, они явились основателями духовой школы Петербургской консерватории.

Литература

1. *Алексеев-Борецкий А. А.* Николай Иванович Заремба. СПб.: Береста, 2011. 252 с.
2. *Финдейзен Н. Ф.* Очерк деятельности Санкт-Петербургского отделения Императорского русского музыкального общества (1859–1909). СПб.: Тип. гл. упр. уделов, 1909. 119 с.
3. Очерк пятидесятилетней деятельности С.-Петербургской Консерватории / Сост. А. И. Пузыревский, Л. А. Саккетти. Пг.: Русско-французская тип., 1914. 194 с.
4. *Конюхова Е. В.* «Жизнь, полвека посвященная добру...» (приношение великой княгине Елене Павловне) // *Musicus*. 2009. № 5 (18). С. 11–14.
5. *Алексеев-Борецкий А. А.* Идеальная покровительница музыкального искусства // Под высочайшим покровительством: материалы научной конференции 11–12 ноября 2010, ГМЗ Гатчина. СПб.: Алина, 2010. С. 4–18.
6. *Ауэр Л. С.* Моя долгая музыкальная жизнь. СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 2006. 216 с.
7. *Heritte-Viardot L.* Une Famille de Grands musiciens. Paris: Stock, 1923. 266 p.
8. Общий обзор деятельности высочайше утвержденного С.-Петербургского Филармонического общества / сост. Е. К. Альбрехт. СПб.: тип. Э. Гоппе, 1884. 120 с.
9. *Алексеев-Борецкий А. А.* Письма Н. И. Зарембы к А. М. Клименко // *Наследие*. Вып. II. Сб. науч. ст. М.: МГК, 2013 (в печати).

²⁸ Контрактные условия включали в себя: устройство 4-х концертов в сезоне 1869/1870 г. и вступление в должность профессора консерватории с окладом в 3000 рублей серебром (от консерватории — 1200 рублей серебром, от дирекции РМО за 4 концерта — 400 рублей серебром, и от великой княгини дополнительно из сумм ее высочества — 1400 рублей серебром) (ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 121).

²⁹ Там же. Л. 126.